

СТАЖЕРЫ

ПРОЛОГ

Подкатил громадный красно-белый автобус и остановился, мерно похрюкивая двигателем. Отлетающих пригласили садиться.

– Что ж, ступайте, – сказал Дауге.

Быков проворчал:

– Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто. Провожающих почему-то было совсем немного.

– Если они будут грузиться такими темпами, – сказал Гриша, – вам к старту не успеть.

Быков строго посмотрел на него.

– Застегни рубашку, – сказал он.

– Пап, жарко, – сказал Гриша.

– Застегни рубашку, – повторил Быков. – Не ходи расхлюстанный.

– Не бери пример с меня, – сказал Юрковский. – Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского – на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц – над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

– В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

– Печенка?

– Почему обязательно печенка? – сказал Юрковский. – Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что эссенуки от приступов не помогают.

– Ты, по крайней мере, взял свои пилюли? – спросил Быков.

– Что ты к нему пристал? – сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

– Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

– Если Арнаутов на Марсе, – сказал Юрковский.

– Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

– Я ему напомню, – пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

– Знаете что, идите вы, пожалуйста, – сказал Дауге.

– Да, пора идти, – вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. – Не печалься, Иоганыч, – сказал он тихо. – До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками, Дауге слабо оттолкнул его.

– Спокойной плазмы, – проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

– Ах, да не кисни ты, Григорий, – страдающим голосом сказал он.

– Постараюсь, – сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

– Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

– Ладно, пап.

– Никаких рекордов.

– Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

– Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

– Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

– Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

– До свидания, дядя Володя, – сказал Гриша.

– До свидания, малыш, – сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. – Ты его навещай, что ли... Просто так, зайди, выпей чайку – и всё. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

– Хорошо было бы, если б рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

– Какой рейс? Наш?

– Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

– Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

– Перестань, – сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там, в розоватом мареве, виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

– Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

– Можно и в институт, – ответил Дауге.

Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить». А чему их учить? Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха блестящие коробочки фонодемонстраторов. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата. Он методически заталкивал в автомат жетон за жетоном, задумчиво глядя на табличку с надписью «выключен». Двое ребятишек – мальчик и девочка лет четырех-пяти – стояли позади него, с любопытством следя за его манипуляциями.

– Пойду объясню ему, – сказал Гриша.

Дауге рассеянно кивнул.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

– Зайдем выпьем, тезка, – сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

– Зачем, дядя Гриша? – просительно сказал он. – Зачем? Не надо.

– Ты полагаешь, не надо? – задумчиво спросил Дауге.

– Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

– Уж не воображаешь ли ты, – ядовито произнес он, – что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь? Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

– Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

– Дядя Миша тоже идет в последний рейс, – робко напомнил Гриша.

– Да, – согласился Дауге. – Миша наш состарился... Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела над пустым бокалом, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

– Что с вами, дядя Гриша? – встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

– Это моя жена, – сказал он спокойно. – Пойдем.

«Какая еще жена?» – подумал Гриша с испугом.

– Может быть, мне пойти подождать в машине? – спросил он.

– Чепуха, чепуха, – сказал Дауге. – Пойдем.

Они подошли к столику.

– Здравствуй, Маша, – произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.

Она медленно откинулась на спинку стула.

– Ты... не улетел? – сказала она.

– Нет.

– Ты летишь позже?

– Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

– Что значит – остаешься? – недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

– Можно нам посидеть с тобой? – спросил он. – Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

– Очень рада, – сказала она. – Садитесь, мальчики.

Гриша и Дауге сели.

– Меня зовут Мария Сергеевна, – сказала она, разглядывая Гришу. – Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

– Я знаю вашего отца, – продолжала она. Она перестала улыбаться. – Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

– Что ты будешь пить, Маша?

– Джеймо, – ответила она, ослепительно улыбаясь.

– Это очень крепко? – спросил Дауге. – Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

– Вот мы и встретились, – сказал он. – А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

– Нет, – проговорила она. – Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

– Ты провожала, – тихо сказал он.

Она кивнула.

– Кого? Неужели нас?

– Да.

У него остановилось сердце.

– Меня? – спросил он.

Подожел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

– Нет, – ответила она.

– Володьку? – сказал он с горечью.

– Да.

Гриша тихонько ушел.

– Какой милый мальчик, – сказала она. – Сколько ему лет?

– Восемнадцать.

– Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

– Да, время идет, – сказал Дауге. – Вот я уже и не летаю.

– Почему? – равнодушно спросила она.

– Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

– Да, ты неважно выглядишь. Скажи... – Она помолчала. – А Быков тоже скоро перестанет летать?

– Что? – спросил он с удивлением.

– Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, – сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. – Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

– А при чем здесь Быков? – спросил Дауге неприязненно.

– С Быковым безопасно, – сказала она просто. – Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты – и вдруг не летаешь.

– Буду работать в институте, – сказал Дауге.

– Работать... – Она покачала головой. – Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

– Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

– С какой стати? – возразила она.

– Я вот тоже так холостяком и остался.

– Неудивительно.

– Почему?

– Ты не годишься в мужья. Я знаю это по опыту.

Дауге неловко засмеялся.

– Не нужно нападать на меня, – сказал он. – Я просто хотел поговорить.

– Раньше ты умел говорить интересно.

– А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

– Нет, почему же? – вежливо сказала она. – Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

– А Володю я провожаю всегда, – сказала она. – У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаете. И откуда. И я всегда его провожаю. – Она вынула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. – Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. – Она подняла бокал и отпила несколько глотков. – Сумасшедший мир. Дурацкое время, – сказала она устало. – Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неясная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

– Понимаю, – сказал Дауге.

– Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос – «зачем». – Она снова отпила из бокала. – Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. Где уж тебе понять, подумал он. Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по

кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать. Он сказал:

– Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

– А что, если права я?

– Нет. – Дауге помотал головой. – Правы они. Они не задают вопроса: «зачем».

– А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. «Что ты знаешь о широте мысли?» – подумал он.

– Ты пьешь холодную воду в жаркий день, – сказал он терпеливо. – И ты не спрашиваешь зачем. Ты просто пьешь, и тебе хорошо...

Она прервала его:

– Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

– Пусть, – спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная гнетущая тоска. – Мы ведь не об этом говорили. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек – это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще очень много людей на Планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

– Спасибо.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал Дауге. – Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов... Какая у вас может быть широта взглядов?

Она допила свой бокал.

– Ты очень красиво говоришь сегодня, – заметила она, недобро усмехаясь, – все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

– Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, – сказал Дауге. – Я даже был изрядным шалопаем.

– Не будем спорить, – сказала она. – С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее *теперь*?

– Конечно, я, – сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

– Нет, – сказала она. – Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка – так меня, кажется, называет Володя? – или трудолюбивый муравей – конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

– Спроси у Гриши Быкова, – спокойно сказал Дауге.

– О, *эти*! – Она пренебрежительно махнула рукой. – Я знаю, что скажут они. Нет, меня интересует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

– Да, это бывает, – сказал Дауге. – Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это – и молчащий телефон, и ничего впереди, – но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. «Я свинья, – с раскаянием подумал он. – Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!»

– Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? – сказал он.

– Нет. – Она поднялась. – У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

– Куда ты сейчас? – спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

– Куда? – переспросила она. – Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

– Я мог бы тебя подвезти, – сказал Дауге.

– Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

– Прощай, старичок, – сказала она.

– Прощай, – сказал он, ласково улыбаясь. – Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Троица каких-то модных парней с рыжими бакенбардами уперлась в нее нахальными глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они».

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был включен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

– Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

– Без любви, конечно, обойтись можно, – вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

– Да, можно, – согласился он. – Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

– В институт, – сказал Дауге, – и постарайся успеть к часу. Не опоздаем?

– Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

– Дядя Гриша, вам не дуется? – спросил Гриша Быков.

Дауге повел носом и сказал:

– Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20